

Василий Заботин

ТИТИЛЬ

Москва

2015

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)

312

Заботин В.

312 Титиль / Василий Заботин. – М.: Книга по Требованию, 2015. – 190 с.

ISBN 978-5-519-15187-0

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-519-15187-0

© В. Заботин, 2015

© Книга по Требованию, 2015

От автора

В этой книге много о Великой Отечественной войне и о нашей всенародной Победе в ней. Которая и после долгих семидесяти лет после нее: яркими всполохами незабвенной памяти, — живет и будет жить в веках...

Поэтому в общее заглавие сборника я вынес название одного из документальных рассказов, перекликающихся с современностью...

Содержание

Титиль	6
Пресвитер	18
Как убить	23
Дюша лубэзный	55
Открытое письмо товарищу Бастрыкину – юристу и человеку	61
Матрица бытия перед вечным покоем	64
Память	66
Вечерний звон	71
Тень Бисмарка	73
Эссе о балалайке, бурых медведях и КОЩЕЕ Бессмертном	75
Людка-ублюдка	77
Эссе о несправедливости	79
Эссе о ЛЕТЧИКАХ	81
Рыболов	82
Эссе о великолепной полиции	85
Прелюбодейно заделанный Карлович	86
Ретроспекции и проекции	95
Эссе о докторе Вральмане	98
Капитан, капитан – улыбнитесь	101
Эссе о медицинской Карине	107
Украинский борщ	108
Кран-букс и Глеб Жеглов	110
Предновогоднее, светлое, чистое	111

Эссе о Зорьке	113
Горбат Смирнов, стихи его горбаты	114
Эссе о стержне карбункула	115
Рваная Коротелька	116
Эссе о кастрации	122
Эссе о резонансе мегаполиса	123
Повесть о долгоиграющем дебилизме	124
Станется ли сытнее	130
Все плохо	133
Ода в прозе об успешных педиках	136
Эссе о разнице привычек	138
Неуловимый допинг	140
Эссе о чаще	143
Эссе о широком окне	146
Балериночка-целочка	148
Курва	151
Ой дурынды – растадуры	154
Тишкин котенок Урван	157
Эссе о журналистике	163
Театр Алексеева	165
Книгоиздательства	167
Печальный эскиз с исходом в zero	169
Кот Снима и пустые кастрюльки	171
Мичман Рятатуев	174
Большой человек	176
Самооборона	178
Клад	182
Шипиен Гадючкин	187

Титиль

Вечной памяти дяди Вани-пехотного лейтенанта Заботина Ивана Васильевича, героически погибшего при отражении прорыва гитлеровских войск на Москву: в очередной, семидесятый, канун Праздника Дня нашей Великой Победы – посвящается этот документальный роман.

Пролог

Неизгладимым позором и проклятием Главному Редактору радиостанции «Эхо Москвы» – Алексею Алексеевичу Венедиктову, непреклонным повелением которого был всемирно обгажен и оплеван великий подвиг нашего народа в блокадном Ленинграде: с отвращением к его гнусной личности, я выставлю (принципиально – для него) – свое гадливое до блевотины, антипосвящение.

Его мерзкой подлости – «Ценой победы» над Мировой Историей: воздвигнутой им на радио «Эхо Москвы», – одноименной эрзац-визгливой передачи ...

Никто не забыт, ничто не забыто...

И будет тебе, Алексей Венедиктов: в злобную твою ненависть: негасимо гореть Вечный Огонь у могилы неизвестного советского солдата – Освободителя и Победителя...

У нашего припадочного (по причине падучей эпилепсии в сочетании с юродивостью, – его не взяли на фронт) – деревен-

ского портного-самоучки дяди Никиши Ионова можно было за три суточных пайки черного хлеба (по сто пятьдесят граммов черствой черняшки на день) – из своего обносочного материала: заказать детский, военного образца, – китель...

Дядя Никиша слово «китель» отродясь не выговаривал, а называл его по-своему (по-припадочному) – «Титиль»...

Мама мне: на день рождения заказала в радостный подарок – китель, и дядя Никиша (у которого сроду не было никакой швейной машинки) – вручную сшил мне прямо-таки военный командирский китель...

Как у маршала Толбухина. Которого я видел на картинке в очень старой, пожелтевшей газете...

Мне в тот год исполнилось ровно шесть лет, отец уже полтора года как погиб на фронте, и мама надламывалась на сельхозработах в колхозе, где мы тогда жили. Чтобы хоть как-то прокормить меня и себя. Жили мы тогда на картошке, жмыхе и турнепсе...

То есть на том, что оставалось от откорма трех тощих колхозных буренок...

К титилю мне мама достала сержантские погоны, и портной Ионов иголкой с черной ниткой (других у него не было) – пришил их к плечам титиля...

По, – погоне: с каждой стороны...

И, – я: распираемый от собственного величия, ежедневно щеголял титилем перед деревенской мальчишней...

И оказал тот титиль с погонами: мне и маме смертельную услугу...

Наши не выдержали и отступили, и деревеньку нашу колхозную захватили немецкие гитлеровцы...

И, – оказавшийся трусом, предателем и врагом советского народа: портной дядя Никиша Ионов выдал немецкому офицеру – маму: как жонку красного командира и большевичку-коммунистку...

И маму немецкие солдаты вздернули: повесили перед домом бывшего Сельсовета...

Согнали к Сельсовету деревенских баб, и пока у повешенной продолжалась атония, заставили под дулами автоматов – рыть ей глубокую могилу...

А, – когда вырыли, – швырнули туда – то ли еще живу, то ли уже удушенную, – маму...

Потом немецкий офицер заставил женщин закопать маму отвалом выкопанной земли, вызвал солдата с губной гармошкой, и, – под развеселый плясовой напев, – заставил «русиш фройлейн» – в такт утаптывать сырую землю, укрывшую маму...

Из полуразрушенной хижины напротив: кабелем стоеросовым вывалился в сиську пьяный немецкий унтер, вплотную подошел к швидко утаптывающим мамино захоронение, к слабосильным тощим бабам, демонстративно вытащил пипис и стал упоенно ссать в могилу, и прямо им на ноги...

Потом возникли еще несколько, и начали громко испуская кишечные газы, врасыпную и прицельно выссывая крепкие шнапсофо-водочные ссаки туда же...

А кого, собственно, стесняться-то?

Этой советской погани что-ли?...

Не переставая: бравурным веселым маршем – можорным присвистом в регистрах, заливалась губная гармошка.

Бабы молча, как заведенные скоморошьи куклы, утапывали зассаную мамину могилу, а сгрудившиеся вокруг фашисты, смеяшенствово-рассмеяльно залиivistым хохотом солдафонской ржачки: подхрюкивая, весело и бодро муссировали!...

А меня деревенские наши бабы глубоко и прочно запрятали в дальний глубокий пустой погреб...

Где раньше хранили картошку, маркошку, капусту и разную деревенскую зелень...

А теперь – совершенно пустой: весь в паутине. Одни земляные стены, да полусгнившие доски на земляном полу...

Я голодал, холодал и подыхал от жажды целых пять дней: в крошечной темноте глубокого, пропитанного удушливой плесенью, – погреба...

И жадно слизывал дождевые капельки, просачивавшиеся во время дождя через присыпанную (для маскировки) землей, – наружную верхнюю дверцу погреба: мою живую могилу...

Как теперь у мамы... Только у нее – могила уже отмучавшейся на этой земле. А, – у меня: ее (земли) – мученика...

И, – урывками, глотая горькие слезы, – вздремывал на полусгнивших, заплесневевших в древесной трухле, – досках погребного (могильного) – пола...

Очень хотелось пить, и хоть чего-нибудь покушать...

Потому что принести мне поесть было смертельно опасно: немцы бы на месте расстреляли...

Как расстреляли трех тощих колхозных буренок: на обжираловку фашистской солдатни...

А тут наши выбили немцев. И бабы выпустили меня из душного погреба – на Свет Божий. Дали попить (я иссох весь от жажды) и малость (что удалось от себя выкроить) – поесть...

И меня: ноги мои, – от голода погребного слабые, – сами понесли к сельсовету – на мамино захоронение...

Я стоял, по щиколотке утопая в земляной надмогильной выемке, и слезы ручьем текли по моим щекам...

А дядю Никишу Ионову – портнова: на месте – сам командир Красной Армии, занявшей наше село, – по контрнаводке наших деревенских (которые меня прятали) – на месте: из трофейного, – на плече у него висевшего, – шмайсера, – очередью пристрелил...

И добавил еще – в голову гада: из своего командирского нагана. Чтобы никогда больше не гадил и не топтал русскую землю...

А меня отправили в тыл: в детдом...

Как круглого сироту...

И когда сейчас мне говорят о радиожурналистке Юлии Латыниной, которая льет помой на блокадный советский Ленинград, я готов снять со стены в комнате у сына (он – у меня – подполковник-артиллерист) – его охотничье ружье и всадить этой (напоминающей мне деревенского портного Никишку Ионова) – особи: сразу одновременно из двух стволов, – заряд свинцовой дробь!..

Да только: невмочь мне – гемипаралитику...

Самому: не доехать и не дойти!..

Не добраться!..

Много за восемьдесят мне теперь уже....

Но когда мои ноги еще ходили, глаза еще ясно видели, и меня при движении не швыряло в разные стороны, я все – равно: раз-два-три в год, – ездил в свою родную деревню на могилу к маме...

Я теперь – очень давний (но не коренной, конечно) – житель столицы...

Детдом, в который меня Страна направила, был в ближайшем Подмосковье. Там меня выходили, выкормили и выпоили. И чуть отогрели обожженную войной душу...

И подлечили...

И дали среднее ммммммммммм образование...

А потом – Москва, МИФИ (Московский инженерно-физический институт), работа в физической, секретной, подземной физико-химической лаборатории в Москворечье (теперь – Москва)...

Когда я еще приезжал в свою родную деревню, я никогда там никуда не заходил...

А сразу шел – к деревянной добротной постройке, – нашего бывшего Сельсовета...

Я становился по солдатской стойке «Смирно» (я – от нашей институтской военной кафедры – лейтенант запаса) – в